

Светлана Алешина

Бокальчик с ядом

Часть сборника
Недолго музыка играла (сборник)

Новая русская

Светлана Алешина

Бокальчик с ядом

«Научная книга»

2001

Алешина С.

Бокальчик с ядом / С. Алешина — «Научная книга»,
2001 — (Новая русская)

«...– Ой, что-то опять! – схватилась Пономарева за грудь. – Да что же это такое! Жжет как черт знает что! Ой-ой-ой! Она внезапно упала на кровать и стала задыхаться. Валерия испугалась и на несколько секунд застыла в шоке. У Галины тем временем покраснело лицо, она буквально разодрала на себе кофточку и выдавила:– Воды! Валерия опрометью бросилась из спальни и прокричала:– Галке плохо! Надо «Скорую» вызывать! Михаил Кроль, чуть не свалив стол своим грузным телом, поспешил в спальню...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Светлана Алешина

Бокальчик с ядом

Глава 1

Валерия открыла дверь и очутилась в просторном помещении, в котором сидело человек пять народу. Все они корпели над работой перед мониторами компьютеров. Она не сразу заметила свою подругу, Галку Пономареву. Та примостилась в дальнем углу и сосредоточенно стучала пальцами по клавиатуре.

Валерия робко проследовала в дальний угол. На нее мало кто обратил внимание. Разве что высокий светловолосый мужчина в очках скосил взгляд, да и то его можно было отнести к разряду равнодушных.

Девушка подошла к подруге и слегка тронула ее за плечо. Галка как-то раздраженно повернулась к ней, но, увидев, кто пришел, сразу же приветливо улыбнулась.

– Привет, зайка, – весело поздоровалась она.

– Привет, – ответила Валерия. – Ну вот, я пришла.

– Молодец! Подожди немного, я тут управлюсь с делами, – Пономарева покосилась на компьютер, – а потом уж займусь тобой.

Валерия понимающе кивнула и села на стул рядом с Галкой. Спустя минуту она от нечего делать начала разглядывать тех, кто находился в комнате.

Высокий светловолосый мужчина средних лет всматривался в экран компьютера, что-то периодически поправляя в текстовых файлах, раскачиваясь на своем стуле. Сидевший рядом грузный молодой человек с редкими волосами и большим носом водил по коврику мышью и тоже был весь погружен в виртуальные миры «Виндоуса».

За столом в углу сидел рыженький конопатенький юноша и, склонив голову набок, словно прилежный ученик первого класса, что-то писал. На Валерию никто внимания не обращал. Это ее даже обидело – все-таки она была весьма недурна собой, высокая, статная, чуть в теле, деваха двадцати одного года от роду.

И тут она перевела взгляд в противоположный угол комнаты. Там сидел, попивая чай и закусывая его булкой с корицей, высокий худощавый брюнет, одетый в клетчатую шерстяную рубашку. Он-то и был единственным из мужчин, кто с весьма большим интересом рассматривал Валерию. От девушки не ускользнуло, что этот на вид тридцатилетний мужчина особо заглядывается на ее ноги. Что в принципе было неудивительно – именно эту часть тела Валерия с удовольствием демонстрировала окружающим, когда это только было возможно. А сейчас на дворе благоухал месяц май – пусть ею любитесь.

Валерии даже показалось, что брюнет чуть улыбнулся ей. Она ответила ему оценивающим взглядом. Честно сказать, сотрудник редакции газеты «Правое дело», куда, собственно, и пришла Валерия устраиваться на работу заместителем ответственного секретаря, по ее женским понятиям, выглядел не очень.

Несмотря на его свежую, аккуратную рубашку, безукоризненно выглаженные брюки, было видно, что вещи эти уже давно вышли из моды. К тому же брюнет носил очки, и от этого его тонкое, интеллигентное лицо с правильными чертами становилось совсем уж беззащитным. А Валерии нравились мужчины мужественные и солидные.

– Так, ну вот, у меня все, – весело сказала Пономарева, отрываясь наконец от своего компьютера. – Илья Валентинович!

Она повысила голос, повернувшись к высокому светловолосому. Тот, не обращая внимания на Пономареву, по-прежнему пребывал в файлах.

– Илья Валентинович! – еще громче повторила Галина.

– Да-да, – нетерпеливо отозвался светловолосый, поворачивая голову. – Что случилось?

– Будем на работу принимать моего зама или как? – уставясь на него, спросила Галина.

– Будем, обязательно будем, – закивал тот.

– В таком случае познакомьтесь. – Пономарева сделал жест рукой в сторону Валерии. – Это Валерия Короткова, а это Илья Валентинович Калягин, наш главный редактор.

Калягин церемонно склонил голову и улыбнулся.

– Очень приятно. Галина рассказала вам о ваших обязанностях?

– В общих чертах, – ответила Валерия.

– В таком случае с завтрашнего дня можете приступать к работе. Контакттировать будете, естественно, с самой Галиной и еще с нашим литературным редактором...

Калягин откинулся в кресле так, что оно угрожающе накренилось и возникла реальная опасность, что главный редактор грохнется вверх тормашками. Потом, ощутив, видимо, что сей казус может произойти, он быстро принял исходное положение и осторожно повернул голову в сторону брюнета в клетчатой рубашке.

– Дмитрий Евгеньевич, у нас новая сотрудница! – почти торжественно объявил он.

– Вот как? – гнусаво отреагировал тот и зацокал языком. – Очень интересно, очень...

– Особенно для обеспечения бесперебойной работы нашего издания. – Калягин поднял вверх палец, выразительно посмотрев на литредактора.

– Безусловно, – с улыбкой согласился тот, с интересом пялясь на Валерию.

– Дмитрий Евгеньевич Гульков читает у нас все материалы, которые приносят корреспонденты, и потом будет сдавать их вам для того, чтобы вы регистрировали их в своей книге, – Галина покажет, как это делается, – продолжил вещать Калягин. – На первых порах это все. Остальные детали – у Галины.

Главный редактор еще раз улыбнулся и склонил голову, как бы в знак уважения к своей новой подчиненной. Гульков же подошел к Валерии поближе и легонько взял ее под локоть.

– Так, Дмитрий Евгеньевич! – раздался голос ответственного секретаря Пономаревой. – Новые кадры мы вам развращать не позволим!

– А я и не думал совсем, – смутился литредактор. – Я хотел по делу поговорить.

Он произнес это обиженным тоном, апеллируя взглядом к Валерии, и в глазах его замелькали веселые чертики.

– К тому же, Галочка, ты же знаешь, у нас сегодня юбилей – пять лет со дня выхода первого номера. Было бы несправедливо не пригласить новую сотрудницу на праздничный вечер.

– Гульков! Это моя подруга! – заявила Пономарева.

– Ну и отлично, значит, вольется в наш коллектив без проблем, – не растерялся Гульков.

– Да, – оторвался от компьютера Калягин. – У нас же сегодня, так сказать, пьянка! Валерия, вы приглашены...

– Илья Валентинович! – подал голос рыженький паренек. – Как насчет средств на закупку алкоголя и пищи?

– Сейчас придет Маточкин, он и выдаст, – ответил Калягин. – А закупкой займешься ты, Николай, вместе с Виктором. Кстати, где он?

– В мэрии, на заседании комиссии по вопросу установки биотуалетов на главной улице города.

– Туалеты – это хорошо, – согласился Калягин. – Мне кажется, это великолепная тема для развернутого материала на первую полосу.

Тут дверь в кабинет отворилась, и на пороге появился невысокого роста молодой парень в джинсовой куртке.

– Ну и умаялся я! – тут же воскликнул он. – Эти идиоты обсуждали вопрос о сортирах в течение двух с половиной часов. В прениях выступили все, от мэра до самого последнего чинуши.

– Когда будет материал, Виктор? – поинтересовался Калягин.

– Завтра, во второй половине дня.

– В первой! – поправил его парень с большим носом.

– Миша, ты занимаешься своими программами и занимайся! – резко ответил ему тот, кого назвали Виктором. – А я раньше написать все равно не смогу.

– Значит, будешь сидеть со мной потом всю ночь! – проворчал Миша. – Я один здесь ночевать не собираюсь.

– Ну, что вы все спорите, все ругаетесь? – раздался веселый женский голос из дверей. – Сегодня же такой прекрасный день, юбилей газеты!

– А вот и восторженная Света пожаловала! – прокомментировал появление нового персонажа Калягин.

– Восторгом своим она кабинет озарила, – продолжил мысль Гульков и переключил свое внимание на прибывшую.

Светлана Воронова, а именно так было написано на бэйдже девушки, прикрепленном на ее коричневый пестренький свитерок, мило улыбнулась, бросила Гулькову краткое: «Привет!» – и отошла в сторону стола, где стояли чайник и чашки.

– А у нас новый сотрудник, Виктор, – сказал Гульков, указывая на Валерию. – Познакомьтесь, Валерия, это наш корреспондент Виктор Скалолазкий. Впрочем, в основном мы его зовем Витян-балбес.

– Я т-тебе сейчас! – шутливо замахнулся на редактора Виктор.

Валерия невольно усмехнулась.

– А вот это Николай Артемов, – указал Гульков в сторону рыжего. – Он у нас в противоположность Виктору, который любит различного рода «желтые» темы, очень серьезный человек. Я бы даже сказал, занудный, и довел это качество до такого совершенства, что его можно назвать блистательным занудой.

– Нет, это безобразие, Илья Валентинович! – прокартавил Артемов. – Я думаю, что в функции литературного редактора не входит давать какие-либо определения сотрудникам! Вмешайтесь и скажите свое веское слово!

Вместо него, однако, в разговор резко вступила Пономарева.

– Николай, у тебя еще материал не сдан – так что пиши и не обращай ни на кого внимания! А ты, Дмитрий, не окучивай Валерию, а лучше помоги Светлане заварить чай! Все, и чтобы в ближайший час никого не было ни видно, ни слышно!

– И это правильно! – поднял вверх палец Калягин.

Однако уже через несколько секунд в комнате снова зазвучал веселый голос. Он принадлежал женщине лет под тридцать с круглым лицом и короткой прической. Она не вошла, а влетела в кабинет и быстро затараторила:

– Илья, я купила мидии в томатном соусе. Мне кажется, это очень в духе нашей газеты. И еще столичную селедочку. Галка, я думаю, что с пивом она великолепно пойдет.

Вслед за ней в комнату вошел солидный мужчина неопределенного возраста. Он был невысокого роста, в его рыжеватых волосах проступала седина. На вид ему можно было дать и сорок, и пятьдесят, а при наличии определенной фантазии прибавить или убавить еще пяток лет.

– Ну что, господа! – улыбнулся он, блистая золотыми зубами. – Все готовы к пьянке?

– Да, – ответил за всех Калягин.

– В таком случае можем начинать хоть сейчас.

– Сейчас не получится, Александр Иванович, у нас еще не куплено вино и пиво. Выдайте деньги Николаю с Виктором, и они сходят.

Гульков наклонился к Валерии и тихо сказал:

– А это Александр Иванович Маточкин, пожалуй, самый главный человек в нашей редакции, исключая, конечно, господина Калягина.

Валерия удивленно подняла вверх брови.

– Он у нас финансовый директор, – пояснил Гульков. – А это очень многое значит.

Маточкин тем временем прошел к своему столу, стоявшему отдельно от других, в закутке, образованном двумя шкафами, и положил толстую кожаную папку на стол. Потом неторопливо сел, достал ключи и открыл железный сейф.

Артемов и Скалолазский выжидательно стояли рядом. Маточкин так же не торопясь полез в сейф и достал оттуда пять сотенных купюр.

– Я думаю, вам хватит, – сказал он.

Артемов взял деньги, засунул их в карман и направился вместе с коллегой к двери.

* * *

– Думается, что вы не правы, Илья Валентинович, – рассудительно заявил Маточкин, после того как прозвучал первый тост. – Наступления на демократию всегда были отличительной особенностью нашей страны. Но пять лет нашего существования доказывают, что наше издание достаточно жизнеспособно и потому держится на плаву.

– Только потому, что мы в последнее время не очень наезжаем на губернатора и работаем по гранту американцев, – парировал Калягин. – Кроме того, определенные люди в областном правительстве предупредили меня, чтобы мы были поосторожнее в своих публикациях.

– Да, осторожность не помешает, – согласился Маточкин и тут же добавил: – Но мы, в конце концов, единственная независимая газета в губернии, и именно поэтому нам и выделили средства наши, так сказать, заокеанские друзья...

Калягин не нашелся что ответить, тем более что подоспело время второго тоста.

Разливали грузинское вино «Алазанская долина», которое пришло на смену шампанскому.

– Каждому в его бокал! – провозгласила Пономарева. – Миша, проследи, чтобы мой бокал никто не трогал.

– Он тебе дорог как память? – с улыбкой спросил Гульков.

– Да, он несет в себе флюиды любимого мужчины, – безапелляционно заявила Галина.

– Любимый мужчина... – мечтательно произнесла Воронова. – Где он, в каких краях он бродит?

– Можно им буду я? – У нее за спиной с масляной улыбкой возник Скалолазский.

Воронова повернулась к нему и одарила его ласковым взглядом. Однако в нем проскользнула какая-то снисходительность.

– У тебя же есть любимая девушка, Виктор, неужели ты изменишь ей?

– Нет, – сразу же честно ответил Скалолазский.

– Вот так всегда, – вздохнула Воронова. – Только-только обнадежат и сразу же на попятную. Мужчины, коварство вам имя!

– Господа! – раздался хорошо поставленный голос финансового директора Маточкина. – Кончайте болтать о всяких пустяках, давайте выпьем за наших прекрасных дам. За вас, Галина Юрьевна, – он повернулся к Пономаревой, – за вас, Елена Васильевна, – обратился он к коротко стриженной женщине, – за вас, Светлана Витальевна, и за новую нашу сотрудницу, Валерию... извините, не знаю, как вас по отчеству...

– Да я вроде бы еще молодая, – покраснела Валерия.

– А это неважно, – тут же парировал Маточкин. – Это для порядка надо.
– Александр Иванович у нас даже школьник-практиканток по имени-отчеству зовет, – пояснил неожиданно вынырнувший из-за плеча Валерии литредактор Гульков.
– Алексеевна, – ответила та, пожав плечами.
– В таком случае за Валерию Алексеевну, – провозгласил Маточкин.
– Гип-гип-ур-ря! – завершил тост программист Михаил, который единственный среди всего коллектива не употреблял алкоголь в принципе и поэтому вместо вина пил «Фанту».
Все подняли бокалы, выпили и стали закусывать.

Валерия постепенно начала различать, кто есть кто в редакции. Ее внимание в основном почему-то привлек рыжий паренек по имени Николай. Собственно, это получилось потому, что он ненавязчиво стал уделять внимание самой Валерии: подавал ей бутерброды, давал прикурить... Памятуя о характеристике, данной Николаю бесшабашным литературным редактором Дмитрием Евгеньевичем Гульковым, Валерия решила, что это мнение несправедливо.

«Да никакой он не зануда, просто хорошо воспитанный молодой человек, – подумала она. – Ну и что с того, что он рыжий?»

Второй корреспондент, Виктор Скалолазкий, произвел на нее тоже весьма благоприятное впечатление. Он постоянно шутил, рассказывал анекдоты и смешные истории из жизни.

Светлана Воронова показала Валерии демонстративно-рафинированной дамой. Она, безусловно, обладала высоким интеллектом и многое понимала с полуслова. Но Валерии показалось, что она посматривает на нее как-то свысока и даже неприязненно в отличие, скажем, от веселой и компанейской Елены Турусовой, которая была старой подругой Галки Пономаревой и в газете выполняла функции корректора. Кроме того, она занималась рекламой.

В течение всего вечера Елена громко смеялась, много курила и пила. Чувствовалось, что эта женщина любит веселые компании и разгульную жизнь.

Что же касается программиста Михаила Кроля, то он вел себя несколько замкнуто, стараясь все внимание уделять Галке Пономаревой. Валерия была в курсе, что Михаил – любовник ее подруги. Это был как бы его официальный статус, и он на людях всегда старался подчеркнуть свою близость к Галине.

– Ничего, господа! – прозвучал голос главного редактора Калягина. – Скоро для нашей газеты должны наступить благоприятные времена. Я думаю, что грант от американцев – это только первый этап, за которым последуют и другие. Кроме того, на носу очередные выборы, а вы сами понимаете, что в такое время возрастает значимость средств массовой информации.

– Вот за процветание их в целом и нашей газеты в частности и выпьем, – поддержал шефа Гульков и поднял бокал.

Постепенно народ все больше пьянел – кроме, естественно, Кроля с его «Фантой» – и начал делиться на группы. Одну составили Калягин, Турусова, Пономарева и Кроль, а в другой лидерство задавали Гульков и Воронова. Общим было то, что люди начали подшучивать над бедным молодым корреспондентом Артемовым.

А тот, захмелев, открыл уже вышедший номер газеты «Правое дело» и стал методично прочитывать материалы. И тут же нашел три опечатки, два неправильно, на его взгляд, построенных фразеологических оборота и даже ошибку в верстке.

Кроме того, он сказал, что недоволен тем, какой заголовок поставил Гульков к его статье про жильцов взорвавшегося на прошлой неделе от скопления газа дома. Поворчав по этому поводу, он перешел к чтке статьи, написанной Вороновой. И комментировал каждую строчку, переставляя слова так, как это, по его мнению, следовало бы сделать.

Что и говорить, подобное занудство в пьяном виде вызвало бурный смех аудитории, которая состояла из Гулькова, Скалолазкого и Вороновой. А Артемов, улыбаясь и почти по-ленински картавя, все читал и читал.

Валерии было не совсем понятно, что тут смешного, но народ веселился вовсю. В конце концов Гульков назвал Артемова «знаменем политкорректности» и «рыцарем белого пиара», после чего призвал собравшихся тяпнуть еще по одной.

– Нет, что ни говори, а выпить – это хорошо, – задумчиво изрек Скалолазский. – Вот если бы еще и моя Наташа была рядом – вообще жизнь была бы замечательной.

Виктор улыбнулся, улетая в своих мыслях к чудному видению по имени Наталья, с которой у него вот уже полгода был удивительный роман. Об их отношениях знала вся редакция, хотя Наташу никто в глаза не видел. Виктор был способен говорить о ней часами.

Единственное, что мешало Ромео соединиться со своей Джульеттой, так это родители последней. Они, воспитанные в строгости советской морали, не могли простить развратному корреспонденту какой-то несолидной газетенки то, что он, не дожидаясь свадьбы, взял да и вступил в интимные отношения с их дочерью.

Поэтому ее отец, отставной офицер, волевым решением запретил молодым встречаться в течение месяца. Видимо, он рассчитывал на то, что вся эта «глупость», называемая любовью, выветрится из головы его дочери. Молодые думали, однако, по-другому и никак не могли дожидаться окончания наложенного моратория.

– У тебя, Виктор, как у шизофреника – о чем бы разговор ни шел, ты все скатываешься на свою идею фикс, – сказал Гульков. – Впрочем, я тебя понимаю.

– Да были у меня шансы, были! – воскликнул Скалолазский. – Вот, например, в прошлые выходные на тусовке в гостинице «Волга» ко мне приставали какие-то малолетки.

– И ты отказался?

– Да! – с гордостью заявил Виктор. – Я, кроме Наташи, больше ни с кем.

– Зря, – скептически бросил Гульков. – Но это не беда. Полигамное начало все равно когда-нибудь у тебя возобладает.

– Главное, чтобы были чувства, – примирительно сказала Воронова, допивая вино. – А моногамия или полигамия – какая разница!

Она опьянела как-то очень быстро и сидела, раскачиваясь на стуле, бесцельно водя курсором по файлам и директориям. Потом, бросив томный взгляд куда-то вдаль, посмотрела на часы и сказала:

– Мне уже пора домой.

– Мне, в общем, наверное, тоже, – с неохотой признал Скалолазский. – У меня хозяйка квартиры строгая – я задерживаться долго не могу. Если опоздаю – она меня убьет.

– Вот классно-то будет! – неожиданно ехидно заметил Кроль. – Хоть кутьи поедим...

Скалолазский хотел было что-то сказать в адрес программиста, потом махнул рукой и отошел в угол. Гульков оценил шутку Кроля по достоинству, оглушительно расхохотавшись. Вороновой же шутка не понравилась, она криво усмехнулась уголками рта и решительно направилась к двери.

– Вы нас покидаете? – повернулся от компьютера Артемов.

– Да, Николай, без нас тебе будет скучно, – с улыбкой сказал Гульков, хлопая коллегу по плечу.

– Мне скучно никогда не бывает, – ответил Артемов.

– Как же может быть скучно с таким человеком! Николай, по-моему, может сам себя великолепно развлечь собой же. Он же у нас такой замечательный, такой блистательный! – вернулась к своему восторженному тону Воронова.

– Да, блистательный... зануда, – съязвил Скалолазский.

– Ну, уж лучше нудить, чем, как ты, прыгать от неудовлетворенного либидо! – ответил Артемов.

– Ничего, ничего, – погладил себя по животу Виктор. – Мне осталось совсем немного до того времени, когда мне снова разрешат видаться с Наташей. Как-нибудь потерплю еще девять дней.

– Как мне тебя жалко, Витенька! – вдруг неожиданно плаксивым тоном сказала Светлана, поглаживая Скалолазького по голове.

– И мне тоже, – нахмурился Гульков, бросив взгляд на Валерию, а потом переводя его на Светлану.

– Господа! Поскольку запасы алкоголя у нас кончились, а время уже вроде позднее, – обратился ко всем Калягин, – то у меня созрело конструктивное предложение сняться отсюда и переместиться ко мне домой, где пьянку можно будет продолжить.

– Пошли! – тут же поддержали его Пономарева с Турусовой.

– В таком случае предлагаю финальный тост, – сказал Маточкин. – За нас с вами и хрен с ними...

Он показал пальцем вверх.

– «Они» – это имеются в виду власти, Александр Иванович? – счел необходимым уточнить Калягин.

– Конечно, они, – рассмеялся Маточкин. – А кто же нам спокойно работать-то не дает?

– Да, пускай хрен будет действительно с ними, – поддержала тост Турусова и звонко засмеялась. – Вот только пускай они его используют где угодно, только не по нашему адресу.

– Точно! – поддержал ее Скалолазький, подражая Бивису с Эм-ти-ви.

– Круто будет! – вторил ему Гульков, изображая Баттхеда.

После того как этот бокал был поднят, люди начали расходиться. Первым ушел Маточкин, за ним Скалолазький, потом незаметно исчезли Гульков и Воронова. Валерия тоже засобиравшись домой. Однако ее решительно остановила Галина.

– Так, Лера, зайка, ты обязательно должна пойти с нами. У тебя ни детей, ни плетей, торопиться тебе некуда, а нам еще надо обсудить с тобой кое-какие вопросы... Так что давай собирайся и вместе с нами к Илье.

Валерии действительно некуда было торопиться, к тому же ей важно было установить неформальные отношения с новыми для себя людьми, поэтому она согласилась.

Через полчаса они вшестером – Калягин, Турусова, Пономарева, Кроль, Валерия и неожиданно примкнувший к компании Артемов вошли в подъезд пятиэтажного дома в районе третьей горбольницы.

* * *

Главный редактор «Правого дела» проживал в двухкомнатной квартире, которую совсем недавно купил у какого-то старого диссидента семидесятых. Он считал, что в этой квартире сохранился нонконформистский дух и что он помогает ему в его жизни.

Калягин сам был, можно сказать, бывшим диссидентом. Когда-то, еще в студенческие годы, в середине восьмидесятых, он распространял среди знакомых запрещенную тогда литературу: Солженицына, Платонова, дневники Елены Боннэр. Его тогда исключили из университета и посадили в психушку. Пробыл он там несколько месяцев, а потом был отпущен после вмешательства отца, бывшего мелким партийным функционером районного масштаба. После пребывания в психбольнице Ильи был вынужден реабилитироваться в нормальной жизни почти год – карьере геолога, которую он для себя выбрал, был положен конец.

Однако Калягин постепенно нашел себя сначала в литературе – он писал очень интересные авангардные стихи, а потом в годы перестройки и в журналистике. Он был одним из главных политических обозревателей в областной газете. Со временем ему показалось, что он

готов к тому, чтобы возглавить самостоятельное издание, и создал свою газету, которую назвал «Правое дело».

Газета с самого начала заявила о себе как о независимом издании. И действительно могла считаться таковой – кроме единственного спонсора, директора фирмы «Бойтек», давнего друга Калягина Павла Трубецкого, который оплачивал расходы газеты лишь частично, «Правое дело» ни перед кем не отчитывалась. Политическая обстановка в губернии, однако, демократичностью не отличалась: губернатор оппозицию давил. Он любил, чтобы пресса ему прислуживала, и при любой возможности не отказывал себе в удовольствии как-то «прижать» «Правое дело».

Сотрудники газеты не очень шикавали в плане денег – сказывалась неангажированность издания. Но в самое последнее время ситуация немного изменилась в лучшую сторону – американский фонд спонсировал независимое издание грантом.

Калягин вынашивал желание со временем передать «Правое дело» в надежные руки и переехать в Москву, где он был известен как один из самых авторитетных региональных политологов, но перспективы эти были не самыми близкими – может быть, где-то через пяток лет, думал он, они смогут осуществиться.

Отчасти из-за этого Калягин не заводил семью. Хотя ему было уже тридцать пять лет и об этом стоило бы подумать. Впрочем, по характеру Калягин был несколько замкнутым, и эта холодноватая отстраненность мешала ему в отношениях с женщинами.

Валерия Короткова, в тот день волею судьбы попавшая к нему домой, всего этого не знала и втайне удивлялась, почему она не вызвала у Калягина особых, так сказать, мужских эмоций. Она лишь поразились, какая богатая библиотека собрана у него дома и насколько продвинуты вкусы главного редактора в смысле кино, – видеокассеты стояли на нескольких полках, и в основном включали в себя авангардные фильмы лучших западных режиссеров.

Поскольку Калягин был эстетом, это распространялось и на пищу. Он выставил на стол коньяк «Гастон де Лагранж», затем лично сделал экзотический греческий салат, состоящий из не очень мелко порезанных огурцов, помидоров, луковицы и двух зеленых стручков острого перца, политых оливковым маслом и посыпанных нарезанным кубиками овечьим сыром. Кроме того, Илья Валентинович нарезал тонкими ломтиками ветчину и также выставил на стол.

Валерия пожалела, что рядом с ней нет сейчас жены ее дяди – Ларисы Котовой, которая владела лучшим в гастрономическом плане рестораном в городе. Она наверняка бы нашла общий язык с Ильей Калягиным. Впрочем, Валерия даже и не подозревала, что эти ее мысли осуществляются и произойдет это в самом ближайшем будущем. И поводом послужат события этого самого вечера.

Но до финала вечеринки оставалось еще два часа, и прошли они в теплых душевных разговорах. Даже Николай Артемов перестал нудеть и принимал оживленное участие в общем веселье. Валерия поймала себя на мысли, что будет не против, если Артемов после пойдет провожать ее домой. И, может быть, она пригласит его к себе...

Валерия уже вполне освоилась в данной обстановке, ей стало казаться, что этих людей она знает давно, и все они были ей очень симпатичны. Ну, и она им, разумеется, тоже.

Окружающие тоже вели себя весело и непринужденно.

Правда, постепенно как-то начала выключаться из разговора Галка – она изменилась в лице, стала прижимать руки к груди. Кроль и Турусова спросили ее, в чем дело. Пономарева ответила, что в последнее время у нее побаливает сердце и вот сейчас снова, наверное, стало прихватывать.

Кроль бросился к аптечке, но у Калягина не оказалось ничего сердечного. Турусова порылась в своей сумочке, но также ничего подходящего не нашла.

– Может быть, отпустит еще... – сказала Пономарева. – Лерочка, мне надо с тобой все же побеседовать. Пойдем в другую комнату.

Валерия поднялась со своего места и прошла вслед за подругой в комнату, служившую Калягину спальней. Там они сели на кровать, закурили, и Галка начала:

– Я очень рада, что ты наконец начнешь у нас работать. Во-первых, для тебя это возможность в конце концов сделать карьеру в журналистике. А во-вторых, я думаю уговорить Илью, чтобы тебя включили в персональный грант, – это неплохие деньги. Стоит ли тебе говорить, что я в этом тоже крайне заинтересована?

Валерия кивнула. Все дело было в том, что в прошлом году Пономарева одолжила ей весьма немалые деньги для покупки квартиры – три тысячи долларов. Галка вообще была человеком, всегда готовым прийти друзьям на помощь. Но долги как-то нужно было отдавать.

Сначала Валерия хотела заработать эти деньги в фирме у своего бойфренда, но... Помидоры, что называется, завяли, бойфренд ушел к другой, а Валерия стала искать другую работу. И вот наконец Пономарева объявила ей, что у них в газете образовалась вакансия на должность заместителя ответственного секретаря.

– Но ведь это, наверное, сложно, – неуверенно сказала Валерия. – Грант-то уже выделен.

– Я поговорю с Ильей, – твердо ответила Галина. – Думаю, что все будет нормально.

– Безусловно, я очень этого хочу, – сказала Валерия.

– Ой, что-то опять! – схватилась Пономарева за грудь. – Да что же это такое! Жжет как черт знает что! Ой-ой-ой!

Она внезапно упала на кровать и стала задыхаться. Валерия испугалась и на несколько секунд застыла в шоке. У Галины тем временем покраснело лицо, она буквально разодрала на себе кофточку и выдавила:

– Воды!

Валерия опрометью бросилась из спальни и прокричала:

– Галке плохо! Надо «Скорую» вызывать!

Михаил Кроль, чуть не свалив стол своим грузным телом, поспешил в спальню. Турусова и Артемов испуганно переглянулись. Лишь один Калягин сохранял невозмутимость, по крайней мере внешне. Он спокойно докурил сигарету и прошел вслед за Кролем. Немного погодя он вышел обратно и направился к телефону.

– Алло, «Скорая»? Безымянная, семнадцать, квартира тридцать шесть, женщине плохо с сердцем. Возраст тридцать один год, Пономарева Галина Юрьевна, – отчеканил он в трубку.

Кроль тем временем стал делать своей подружке массаж сердца, как это обычно бывает в реанимации. Турусова, зажав рот рукой, стояла на пороге комнаты. Валерия испуганно сидела вместе с Артемовым в гостиной. Калягин, закулив сигарету, нервно расхаживал из угла в угол.

«Скорую» пришлось ждать на удивление недолго – она прибыла через десять минут. Может быть, потому, что база машин «Скорой помощи» находилась буквально за углом дома, где проживал Калягин.

Бригада широкоплечих молодых врачей шумно ворвалась в квартиру и деловито проследовала в комнату, где лежала ничком Галина Пономарева. Старший врач взял руку больной за запястье и присвистнул.

– Пульса практически нет, – констатировал он. – Надо в реанимацию.

– Доедет? – скептически посмотрел на Пономареву другой врач.

– Доедет! – буквально заорал на него Кроль. – Быстро подняли ее и понесли!

Тем временем Пономарева издала ужасающий вопль и захрипела. Глаза ее закатились, и она, сначала дернув одной рукой, потом другой, попыталась приподняться. Но силы оставили ее, и она безжизненно рухнула на кровать.

Старший врач, помедлив секунду, взглянул ей в глаза. Потом взял руку, тщетно пытаясь найти пульс. После этого он медленно повернулся к Кролю и развел руками.

– Что-о-о? – издал тот возглас и угрожающе двинулся на врача.

– Тихо, тихо, – остановил его второй.

– Сделайте электрошок, – пожал плечами старший в группе.

Врачи быстро начали подсоединять к Пономаревой приборы. Старший же отошел к окну, где стоял, играя желваками, Калягин, и тихо сказал ему:

– Слишком поздно. Она умерла.

Калягин, рост которого составлял метр девяносто, казалось, еще более вытянулся. Реакция его была молчаливой, он только сглотнул слюну. В этот же момент послышались всхлипывания Турусовой. Все начинали понимать, что случилось страшное.

Еще несколько часов назад казавшаяся воплощением жизнерадостности и оптимизма Галка Пономарева внезапно покинула этот мир. И выглядело это настолько чудовищно-абсурдным в день юбилея газеты, после всеобщего веселья, что Валерия никак не могла это осознать. Она, так же как и Калягин, не проронила ни слова, только молча стояла, прислонившись к дверному косяку.

Врачи, попытавшись реанимировать Пономареву с помощью электрошока, пришли к осознанию полной бесперспективности этого действия. Опасливо поглядывая на Кроля, который сидел в кресле со смешанным выражением ярости и беспомощности на лице, они начали собирать свои приборы.

– Вызовите милицию, – тихо сказал старший врач.

– Зачем? – спросил Калягин.

Врач указал на лицо Пономаревой. Из уголков ее рта выливалась какая-то зеленая жидкость.

– Похоже на то, что ее отравили, – высказал врач свое предположение. – Хотя, конечно, точно на этот вопрос может ответить только вскрытие.

Кроль, до которого только сейчас дошел весь ужас случившегося, закрыл руками лицо и согнулся в кресле. Эх, знал бы он, сколь пророческими могут оказаться его слова насчет перспективы поедания кутьи! Наверное, не стал бы так шутить.

Тем временем Калягин как-то подозрительно посмотрел на Валерию. Потом окинул взглядом всех присутствующих и официально объявил:

– В связи с чрезвычайностью происшедшего попрошу всех не покидать пределы моей квартиры до прибытия сюда сотрудников милиции.

Потом он порывисто прошел к телефону и набрал «ноль-два».

Глава 2

Ох, до чего же неохота никуда выходить! Даже выезжать и то ножом по сердцу!

Лариса посмотрела в окно, по стеклянной поверхности которого обильно стекали капли дождя. Деревья с нежно-зеленой майской листвой раскачивались под силой ветра, на небе не было ни единого просвета. Дождь лил уже два часа, не переставая, словно на дворе был октябрь, а не май.

«Может быть, действительно сегодня никуда не ездить?» – подумала Лариса. В ресторане могут управиться и без нее. Вчера выдался напряженный денек, Ларисе пришлось выдержать последовательный напор представителей различного рода проверяющих ведомств – от налоговой полиции до областной пожарной службы.

Конечно, пришлось кое-кому «дать на лапу» – не без этого. И всех покормить бесплатно самым лучшим обедом, составленным из французских национальных блюд. Ну, и черт с ними, лишь бы отвязались и еще три месяца не приходили. Ларисе не жалко. Правда, пожарные совсем обнаглели и просили завернуть им две порции пиццы еще и домой, но Лариса выдержала и это хамство. Главное, чтобы потом не доставали...

– Ларочка, ты сегодня что, никуда не поедешь? – поинтересовался муж, заглядывая в спальню.

Он уже побрился, оделся и был готов к выходу.

– Наверное, нет, – зевнула Лариса.

– Завидую я тебе, – признался Евгений. – А мне вот – хочешь не хочешь, а надо.

– Слава богу, хоть понимаешь это сам. А то недавно ведь выбор между бутылкой и работой был у тебя однозначный – в пользу первой.

– Опять ты о своем! – В голосе Евгения Котова послышались нотки раздражения. – Вот так захочешь завязать и не сможешь, потому что постоянно напоминают.

– А ты не обращай внимания, – парировала Лариса. – Я же долго не принимала близко к сердцу твои похождения.

Котов вздохнул, скорчил недовольную физиономию и хотел было уже порывисто выйти из комнаты, но вдруг вспомнил, зачем он, собственно, потревожил утренний покой жены.

Вчера вечером звонила его сестра и просила ей помочь. Вернее, просила не его, а Ларису, которая была известна в городе не только как директор одного из самых лучших ресторанов, но и как в некотором роде частная сыщица. Правда, с криминальными делами Лариса сталкивалась всегда почти что случайно – только в последнее время знакомые, прослышав о ее способностях, стали обращаться к ней с просьбой помочь в каких-то сложных ситуациях.

В основном она отказывала, поскольку не видела для себя в тех делах ничего интересного. Действительно, у одной подруги пропал муж, который пользовался репутацией пьяницы и гуляки, – нашелся через два дня, без денег и со следами чудовищного похмелья на фэйсе, а у другого знакомого выломали дверь и вынесли видеоаппаратуру – этих воров задержали без Ларисино вмешательства через неделю.

Но тут была совсем другая история. Дело заключалось в том, что в нехороший переплет попала племянница Евгения, молодая девчонка по имени Валерия. И хотя Евгений сам очень скептически относился к хобби жены, в данной ситуации он все же решил прибегнуть к ее помощи. Он пообещал сестре поговорить с Ларисой – та вчера допоздна засиделась на работе.

– Лара, тут у моей Надежды проблемы, – неуверенно начал Котов.

– У Надежды? – удивилась Лариса.

– Да, и похоже, по твоей части.

– В каком смысле? – еще больше удивилась Лариса.

– Проблемы, скорее, не у нее, а у Валерии...

– Ну?

– Словом, ее подозревают в убийстве. И хотя прямых улик нет, но посадить все же могут. Лариса приподнялась на кровати и нащупала на тумбочке пачку сигарет.

– В общем, она хочет, чтобы ты, если, конечно, тебя это не очень затруднит... – Котов замаялся и начал откашливаться.

– Ну, говори же! – поторопила его Лариса, закуривая «Кент».

– Она же знает о твоих, так сказать... способностях... – Было видно, что Котов с трудом произносит слова, поскольку считал, что и так Лариса по многим показателям стоит выше его, а тут еще приходится признать и это.

– Расскажи мне обстоятельства дела, пожалуйста, – попросила Лариса. – И садись сюда ко мне, можешь даже закурить.

Котов посмотрел на часы, потом махнул рукой и сел рядом с женой на кровать.

– В общем, она пошла устраиваться на работу в газету, к своей подруге. Там была какая-то пьянка, и в конце ее выяснилось, что эту самую подругу отравили. Спасти не успели, яд был какой-то очень замороченный.

– Ну, а Валерия-то здесь при чем?

– Дело в том, что подсыпать яд мог любой сотрудник редакции. Но у Валерии очень сильный мотив.

– Какой же?

– Она должна своей подруге большую сумму денег. Милиция об этом узнала, Валерию трясут... Короче, приятного мало.

– А где сама Валерия?

– Дома, находится в шоке. Очень боится, никуда не выходит.

Лариса, которая всегда предпочитала действовать решительно, снова посмотрела в окно. Да, похоже, выехать из дома все же придется. И лучше уж прямо сейчас, утром.

– Хорошо, я займусь этим, – сказала она Евгению. – Позвони им и скажи, что я приеду через час.

Лариса решительно откинула одеяло и пошла приводить себя в порядок. Евгений, потоптавшись на месте, двинулся в гостиную звонить.

Когда он уехал на работу, Лариса позавтракала фаршированными овощами по-провансальски и салатом из артишоков, после чего спустилась вниз в гараж, встроенный в первый этаж их квартиры. Там она, слегка поеживаясь от холода и сырости, пробивавшихся с улицы, открыла свою машину – серебристую «Вольво» и, выкурив уже сидя на водительском месте сигарету, выехала.

* * *

– Господи, я до сих пор не могу прийти в себя! – плакала Валерия. – Зачем я тогда согласилась на эту пьянку? Ведь первый же день вышла на работу!

– А что говорит экспертиза? – спросила Лариса.

– Яд был подмешан в вино, по времени это произошло еще в редакции, когда мы пили все вместе.

– Значит, теоретически мог это сделать любой, – задумчиво проговорила Лариса.

– Да. Но подозревают именно меня. – Валерия снова суксилась.

– Ты должна была убитой деньги?

– Ну да, Галка меня выручила в прошлом году, когда мне нужны были средства на квартиру – я купила себе однокомнатную, чтобы отделиться от родителей.

– Какая сумма?

– Три тысячи долларов.

– Не бог весть сколько, – констатировала Лариса. – Но по нашим среднероссийским меркам прилично.

– Она меня поэтому и хотела на работу устроить, чтобы я стала получателем гранта, – а это триста долларов ежемесячно. Им как независимому средству массовой информации дали деньги на развитие американцы.

– Понятно... А что за яд был?

– Я такого названия даже не знаю. Говорят, что сильный, но с так называемым про-лонгированным действием, – по слогам с трудом выговорила Валерия.

– С момента отравления до смерти сколько времени прошло?

– Три часа или даже чуть больше... И, как назло, именно я тогда подавала бокал Галке! – Валерия расплакалась.

Лариса легонько взяла ее за руку, чтобы хоть немного успокоить.

– Тот самый ядовитый бокал подала я! – продолжала истерику Валерия. – И это все запомнили. Поэтому Илья Валентинович, наш главный редактор, и не стал даже заступаться за меня перед милицией. Да и все остальные, видимо, считают, что это я.

– Ну, вряд ли все, – возразила Лариса. – По-видимому, есть хотя бы один человек, который так не считает.

– Кто же он? – Валерия подняла глаза на тетку.

– Настоящий убийца, – вздохнула та.

– Но как его найти? – В голосе Валерии послышались умоляющие интонации.

Лариса встала с кресла, где сидела уже почти час, выслушивая обстоятельства дела, и медленно прошла в угол комнаты.

– Валерия, – обернулась она к девушке, – улик ведь против тебя все равно никаких нет. Милиция не сможет привлечь тебя только на основании подозрений. Так что ты так не волнуйся.

– Лариса Викторовна... – Валерия прижала руки к груди. – Понимаете, я не из-за себя... Галка все же была моей подругой. Если вы можете мне помочь, то сделайте это. Я не ради себя, а...

– Понятно, Лера, можешь не продолжать, – остановила ее Лариса. – У меня, конечно, не так много свободного времени, кроме того, я не знаю, смогу ли выяснить, кто это сделал...

– Милиция тем более не сможет! – горячо вклинулась Валерия. – Они все на меня так наезжали, требовали, чтобы я призналась. А остальных даже и не проверяли толком.

– А как тут проверишь? Нужно выяснить слишком много деталей.

– И надо же еще, что именно при мне ей стало плохо, тогда, перед смертью, мы разговаривали с ней один на один в комнате... Ну, там, в квартире Калягина.

– Я верно поняла – психологически все готовы были признать тебя виноватой?

– Но ведь яд-то был подмешан раньше!

– Лера, успокойся, это просто совпадение. Я попробую тебе помочь. Только, видимо, мне придется познакомиться с коллективом газеты. Кстати, какое впечатление у тебя лично оставили эти люди?

– Ой, прекрасное! – Валерия впервые за все время разговора улыбнулась. – У меня было такое впечатление, что я их всех давно знаю. Хотя, кроме Галки, ну, и, может быть, Лены Турусовой – это еще одна ее подруга, – у меня там знакомых вообще не было. Илья Валентинович – он, конечно, показался мне немножко суховатым, кроме того, он отнесся ко мне после всего случившегося не слишком доброжелательно. Но в целом человек он, на мой взгляд, порядочный. Потом корреспонденты: Коля Артемов, Виктор Скалолазский – очень приятные люди... Литературный редактор, Дмитрий Евгеньевич, тоже ничего...

И Валерия вкратце обрисовала всех действующих лиц, которые присутствовали в тот день в редакции.

– Кроме них, кто-нибудь еще есть в штате? – спросила Лариса, выслушав ее рассказ.
– По-моему, только курьер, Андрей его зовут. Но его не было, он болел. А так вроде больше никого, остальные – внештатные авторы, которые приносят материалы от случая к случаю.

– Ты после случившегося в газете не была?

– Нет, я уже пятый день сижу дома, никуда не выхожу. Я даже на похороны Галки не пошла – боялась, как на меня посмотрят сотрудники.

Валерия выглядела настолько беззащитно, что Ларисе стало жалко ее. Она еще не решила, стоит ли ей ввязываться в эту историю или нет. Похоже, для того чтобы найти убийцу, придется повозиться – под подозрение попадают практически все сотрудники газеты. Необходимо установить их отношения с убитой, выяснить все связи, возможные мотивы.

– Мне, однако, не совсем понятно, каким образом я смогу вклиниться в коллектив, – проронила Лариса. – Чтобы что-то выяснить, я должна познакомиться со всеми.

Валерия задумалась. Потом внезапно подошла к телефону и набрала номер. Спустя несколько секунд в трубке послышался официальный голос:

– Газета «Правое дело».

– Илья Валентинович, это Валерия. Пожалуйста, не бросайте трубку! Мне надо с вами встретиться, это очень важно.

– Я сейчас не могу, у нас выпуск, – сухо ответил Калягин.

– Я имею в виду вечер.

– Вечером у нас пресс-конференция, посвященная печальным событиям в редакции, – отрубил он.

– Вы не будете возражать, если я тоже приду?

Калягин, немного помявшись, вздохнул и произнес:

– Что ж... Я не могу отказать вам в этом. Приходите в семнадцать ноль-ноль в правозащитный центр «Сопричастность», это на Московской.

– Спасибо, я обязательно буду.

– Удачи! – коротко сказал главный редактор и повесил трубку.

Валерия тяжело вздохнула и повернулась к Ларисе.

– В личной встрече он отказал, но есть возможность сегодня посетить пресс-конференцию, в пять вечера. Я думаю, там вы увидите всех сотрудников.

– Хорошо. – Лариса посмотрела на часы и засобиралась. – Раз уж я сегодня вырвалась из дома, то мне надо будет заехать в ресторан. А в половине пятого я за тобой заеду...

– Спасибо, тетя Лариса!

– Какая я тебе тетя! – неожиданно рассмеялась Лариса. – Неужели я такая старая?

– Но все-таки... – нерешительно возразила Валерия.

– И не думай даже. Если я старше тебя на десять с небольшим лет, это абсолютно не значит, что меня надо называть тетей. Короче, нос кверху и чтобы в старухи меня не записывала! А то уже и так меня называют мисс Марпл – совсем с ума сошли!

Валерия тоже улыбнулась, вытирая очередную набежавшую слезу.

– Мы договорились – в половине пятого! – повторила Лариса и, надев туфли и плащ, вышла из квартиры Валерии.

* * *

В тесное помещение правозащитного центра «Сопричастность» набилось человек тридцать. На пресс-конференцию, посвященную, как указывалось в официальном сообщении, «трагической гибели журналистки Галины Пономаревой», пришли представители практиче-

ски всех городских изданий. Вели собрание главный редактор «Правого дела» Илья Калягин и директор «Сопричастности» Георгий Бутырко.

Если первый говорил размеренно и четко, практически не страдая тавтологией, то второй оказался суетливым говоруном, произносящим все фразы скороговоркой.

– Я думаю, значит, что эта гибель Галины потрясла многих. Я уверен, что это все носит политический подтекст, потому что в последнее время участились провокации против независимых СМИ города со стороны властей. Мы, со своей стороны, приложим максимум усилий, чтобы это преступление, заказное преступление, было в кратчайшие сроки раскрыто, а его исполнители и, главное, заказчики понесли заслуженное наказание, – буквально выстреливал слова в пространство Бутырко.

В течение его десятиминутного выступления силы, стоявшие за отравлением ответственного секретаря газеты «Правое дело», были словесно разбиты в пух и прах. Естественно, прямо не говорилось о происках областных властей, недовольных смелой и независимой позицией газеты, но это явно подразумевалось. Досталось и милиции, которая, по мнению Бутырко, крайне формально отнеслась к делу, выдвинув на первый план бытовой аспект дела. Особое негодование правозащитника заслужили «досужие измышления органов правопорядка об интимной версии происшедшего».

– О чем это он? – вполголоса спросила Лариса у Валерии.

– Видимо, о взаимоотношениях Галки с мужчинами, – ответила та. – У нее они постоянно менялись, и почти все принадлежат к газетному миру города.

Лариса понимающе кивнула. Они с Валерией сидели в заднем ряду. Все штатные сотрудники «Правого дела» устроились впереди, и они, кроме Николая Артемова и Дмитрия Гулькова, с Валерией не поздоровались, стараясь ее не замечать. Было понятно, что они подозревают в случившемся ее. Калягин же, заметив Валерию, лишь сухо ей кивнул.

Время от времени Лариса наблюдала за сидевшими в первом ряду сотрудниками газеты. По рассказам Валерии, она уже примерно представляла себе, кто есть кто.

Унылым и подавленным выглядел Виктор Скалолазкий, кислым было и лицо литературного редактора Гулькова. Рядом с ними сидели Светлана Воронова и Елена Турусова, обе были одеты в строгие темные костюмы в соответствии с характером мероприятия. Программиста Кроля не было – по слухам, он неожиданно запил, хотя за ним этого отродясь не наблюдалось, и уже неделю не появлялся в редакции.

Рядом с Турусовой сидел мрачный усатый тип в поношенном пиджаке и старой жилетке.

– Ты не знаешь, кто это? – спросила Лариса у Валерии.

– Нет, – покачала она головой. – Хотя, по-моему... – Она задумалась. – По рассказам сотрудников, он похож на курьера Андрея, того самого, что тогда болел.

Тем временем Бутырко сменил Калягин, который, хотя и более осторожно высказался насчет политической версии происшедшего, но все же и не исключил ее.

– Хотелось бы сказать о том – надеюсь, нас услышат, – что если трагическая гибель нашей сотрудницы является предупреждением всему изданию, то мы все равно будем объективно и полно освещать происходящие события в нашем городе и губернии. Если все обстоит в действительности так – я думаю, следствие установит виновных, – то иначе как бандитскими методами это не назовешь. Пользуясь моментом, хотелось бы затронуть и более глобальную проблему. Не секрет, что начинается поход против средств массовой информации. Нас снова, как и десять лет назад, пытаются лишить свободы слова. Недавнее происшествие с подменой полос центральной газеты на фототелеграфе, когда текст статьи о нашем губернаторе был произвольно изменен областными чиновниками в нужном для него аспекте, доказывает, что мы стоим на пороге введения цензуры. Однако еще действует Конституция Российской Федерации, и пока это так, наша газета будет продолжать свою политику. Мы останемся верными

своему курсу на вскрытие язв общества и будем отстаивать свою независимость от властей предрержащих.

После высокопарного выступления Калягина последовали вопросы представителей других газет. Особенно усердствовал корреспондент официозной газеты «Тарасовский вестник», который весьма скептически отнесся к политической версии и пытался выяснить, на чем основаны подозрения Калягина и Бутырко.

– Я не говорю, что мы на сто процентов уверены в этом, – ответил Бутырко. – Но эта версия весьма вероятна. Почему – я думаю, что Илья Валентинович об этом уже сказал. Кстати, не исключено, что мы параллельно с милицейским начнем частное расследование происшедшего. Закон это не запрещает.

– Да, можно об этом подумать, – с серьезным видом согласился с ним Калягин.

– Может быть, вас представить как частного детектива? – шепнула Валерия.

Лариса ничего не ответила, лишь внимательно посмотрела на Калягина. Она почувствовала, что именно с этим человеком ей придется общаться в ближайшее время. И обдумывала, каким образом лучше завязать с ним контакт. Она наклонилась к уху Валерии и сказала:

– Лера, после пресс-конференции подойдешь к нему и представишь меня. Дальше я сама вступлю в разговор.

Валерия кивнула и с благодарностью посмотрела на свою тетку.

После пресс-конференции Калягин сразу же засобирался к выходу. Валерия с Ларисой вышли в коридор и стали дожидаться его.

Калягин вышел в сопровождении Маточкина. В определенной степени эта пара выглядела комично: долговязый, худой, словно циркуль, главный редактор и маленький, пухленький колобок Маточкин. Валерия, подталкиваемая Ларисой, немного помявшись, тем не менее решительно преградила им путь.

– Илья Валентинович, я вас очень прошу, уделите мне время. Я услышала о том, что вы хотите нанять частного детектива. Моя тетка Лариса Викторовна может нам помочь.

Брови Калягина удивленно поднялись, а Маточкин скептически хмыкнул.

– Я вас уверяю, что абсолютно невиновна в смерти Галины. Я искренне хочу найти настоящего убийцу.

– А что, ваша тетка частный детектив? – спросил Маточкин.

– Добрый день, – сдержанно поздоровалась Лариса, подходя к ним. – Меня зовут Лариса Котова, я директор ресторана «Чайка».

– Вообще-то вас представили несколько по-другому, – заметил Калягин.

– Это тема для отдельного разговора. Дело в том, что несколько раз я попадала в криминальные приключения, и...

– На счету Ларисы Викторовны разоблачения нескольких опасных преступников! – закончила за Ларису Валерия.

– Вот как? – удивился Калягин.

– Может быть, вы найдете время для разговора со мной? – вежливо улыбнувшись, спросила Лариса.

– А что вы хотите узнать? – официально осведомился главный редактор.

– Меня интересует все, что касается погибшей Галины. Возможно, что-то, показавшееся вам незначительным, постороннему глазу будет заметнее. Я очень заинтересована в том, чтобы найти виновного. Я уверена, что моя племянница здесь ни при чем. А то, что вы ее подозреваете, видно невооруженным глазом, как бы вы ни обсуждали политическую версию.

– Мы подозреваем всех, – возразил Маточкин. – Если вы знаете обстоятельства дела хотя бы со слов вашей племянницы, то должны были заметить, что яд мог подмешать в бокал Галины любой сотрудник нашей газеты, бывший тогда в редакции.

Маточкин сделал особый упор на слове «любой», подняв вверх указательный палец.

– Итак, хорошо, – повысил голос Калягин, которого разговор начал немного напрягать. – Когда вы хотите встретиться?

– Да хоть сегодня вечером. Удобнее всего, кстати, в моем ресторане. Так что приглашаю вас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.